

Рина Оргис¹

Коминтерн и конфликты в Мексиканской коммунистической партии, 1925-1926 гг.²

История Мексиканской коммунистической партии (МКП), также как и история других левых оппозиционных движений известна далеко не в полном объеме, что во многом связано с самой сущностью этих организаций. МКП подвергалась постоянным преследованиям, ее архивы не раз были разграблены и уничтожены. Крайне разрозненные свидетельства о деятельности партии сохранились в Центре по изучению рабочего и социалистического движения, унаследовавшем документы МКП. Часть документов оказалась разбросана по другим хранилищам, таким как архив Главного управления политических и социальных исследований (в настоящее время он располагается в Национальном архиве Мексики), архив Министерства иностранных дел Мексики и т. д. В связи с этим документы Коминтерна из Российского государственного архива социально-политической истории проливают новый свет на те трудности, с которыми столкнулись мексиканские коммунисты в процессе поиска своего места на политической арене страны.

Мексиканская коммунистическая партия не была создана непосредственно Коминтерном, однако со всей уверенностью можно утверждать, что к этому имел отношение первый посланник Коминтерна в Мексике Михаил Бородин, воспользовавшийся ситуацией во время съезда Национального социалистического конгресса, организованного в августе 1919 г. мексиканскими политическими движениями, разделявшими социалистические идеалы. В ходе работы съезда было принято решение о создании Коммунистической партии и подана заявка о вступлении в III Интернационал, основанный в Москве несколько месяцев назад. Однако вскоре после образования компартии различия между группами, участвовавшими в работе съезда, вызвали неизбежные разногласия и уже через несколько дней привели к расколу в партии. Таким образом, возникли две компартии, претендовавшие на представительство рабочего класса и, что еще более важно, требовавшие признания со стороны III Интернационала. Перед отъездом из Мексики

¹ Национальный институт антропологии и истории, Региональный центр Веракруса, Мексика.

² Перевод Шишкова А.С.

Бородин выступил в поддержку партии во главе с Хосе Алленом. Однако это не помешало другой партии, лидером которой был американский журналист Линн Гейл, многократно обращаться к руководству Коминтерна с просьбой о признании.

В то время Коминтерн все еще находился в процессе структурной организации, определял текущие задачи и способы достижения поставленных целей. В 1920 г. было создано Американское агентство, задачей которого являлось содействие формированию коммунистических партий в странах Америки и объединение всех левых сил. Именно это стало целью визита Сэна Катаямы, прибывшего в Мексику весной 1921 г.³

Пока официальный представитель Коминтерна Сэн Катаяма прилагал усилия по объединению двух коммунистических партий, молодой швейцарец по имени Эдгар Воог также приехал в Мексику с целью продвижения идеалов коммунизма. Судя по всему Воог прибыл в Мексику в 1920 г., хотя в его официальной биографии утверждается, что он приехал в 1919 г. Эдгар Воог выбрал псевдоним Альфред Штирнер и использовал его во всех делах, связанных с Мексикой⁴. Неясно каким образом, но очень скоро он установил

³ Документы о первых годах деятельности МКП см.: Ortiz R., Spenser D. La Internacional Comunista en México: los primeros tropiezos, Documentos 1919-1922. México, INHERM, 2006.

⁴ Эдгар Воог родился в 1898 г. в Базеле и умер также в Швейцарии в 1973 г. С 1916 г. являлся членом Социалистической молодежи Швейцарии и Международного студенческого союза. В 1919 г. вступил в Социалистическую партию Швейцарии. Работал в редакции газеты “Freie Jugend”. В своей официальной биографии он указывает, что в 1919 г. переехал в Мексику “в поисках работы”, однако много лет спустя в интервью кубинской газете “Revolución” он признал, что отправился в Мексику по заданию Коммунистического Интернационала молодежи. Возможно также, что его послали с заданием в Мексику, так как один из братьев Воога проживал там. Однако этот факт не упоминается в официальных бумагах, видимо, потому что брат был женат на представительнице одной из самых знатных семей Гвадалахары. Штирнер был главным связующим звеном между МКП и Исполнительным комитетом Коминтерна в 1920-1929 гг. Он участвовал в качестве представителя Мексики на пленуме Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала молодежи по подготовке второго съезда этой организации и был избран делегатом. Представлял Мексиканскую коммунистическую партию на третьем (1922 г.) и четвертом (1924 г.) съездах Коминтерна. На четвертом съезде его избрали членом Исполнительного комитета Коминтерна как представителя от

связи с молодыми коммунистами, среди которых особо выделялись Диего Валадес, Мануэль Диас Рамирес и Рафаэль Каррильо. Эта молодежная ячейка занималась не только пропагандой в различных печатных изданиях, но и участвовала в профсоюзном движении через Коммунистическую федерацию мексиканского пролетариата, созданную 11 августа 1920 г. Федерация определяла себя в качестве “организации ведущей экономическую пропаганду, выступающей за объединение всех рабочих и отрицающей любое сотрудничество с буржуазными и рабочими политическими партиями”⁵. На первом этапе Коммунистическая федерация мексиканского пролетариата объединяла профсоюз телефонистов компании “Эриксон”, профсоюз пекарей, строителей объектов государственного назначения, профсоюз трамвайщиков, профсоюз работников фабрики по производству бижутерии “Эль Рекуэрдо” и еще два более мелких профсоюза: телефонистов фирмы “Мехикана” и профсоюз литейщиков. Именно политическая практика этой молодежной ячейки привела к постановке и обсуждению в Коминтерне реальных и повседневных проблем, с которыми сталкивались мексиканские коммунисты. Их печатный орган “Vida nueva” начал выходить 16 августа под руководством Мануэля Диаса Рамиреса.

С помощью этой группы молодых людей члены компартии Мексики добились определенного влияния среди социальных движений все еще веривших в обещания Мексиканской революции, а также испытывавших влияние анархо-синдикализма. На начальном этапе самым значительным достижением стало создание в 1921 г. Всеобщей конфедерации трудящихся как независимой рабочей организации, противостоявшей растущему влиянию Мексиканской

Латинской Америки. Он был членом Коммунистической партии Советского Союза. Участвовал в пятом съезде Коминтерна в качестве члена Исполнительного комитета и был избран от Мексики в Международную комиссию по контролю. Во время гражданской войны в Испании принимал участие в организации интернациональных бригад. Позднее занимал пост генерального секретаря Трудовой (коммунистической) партии Швейцарии и представлял ее на XX, XXI, XXII и XXIII съездах КПСС, а также на праздновании пятидесятилетия СССР. Этот очень краткий биографический очерк позволяет понять важность этого деятеля, активно работавшего в первое десятилетие существования Коминтерна, до того как произошел поворот влево, приведший к столкновению МКП с правительством Мексики.

⁵ Taibo II P.L. Bolsheviquis. Historia narrativa de los orígenes del comunismo en México. México, J. Mortiz, 1986. P. 94.

рабочей региональной конфедерации (КРОМ), которая пользовалась покровительством правительства. В последующие годы нельзя говорить о последовательном росте коммунистического движения в Мексике, однако отдельные лидеры коммунистов играли заметную роль в крупных социальных движениях (например, в движении съемщиков жилья в Веракрусе), а также были близки к радикальным деятелям Мексиканской революции, таким как Франсиско Мухика, Фелипе Каррильо Пуэрто и Адальберто Техеда. Важно иметь в виду, что в 1920-е гг. в Мексике считать себя сторонником социализма не было чем-то из ряда вон выходящим. Напротив, это была наиболее последовательная позиция, ведущая к осуществлению целей провозглашенной социальной революции. Именно так был привлечен на сторону коммунистов сенатор Луис Монсон, и не исключалась возможность получения поддержки других высокопоставленных лиц. Стоит отметить, что Штирнер присутствовал лишь на первых этапах этого процесса, поскольку он уехал из Мексики в 1923 г. Но несмотря на это Штирнер продолжил быть главным связным мексиканских коммунистов: именно он вел мексиканские дела в штаб-квартире Коминтерна в Москве.

В первые годы существования МКП ее члены имели возможность действовать с большой долей свободы и поэтому они могли более адекватно реагировать на конкретные обстоятельства. Это объяснялось тем, что в Коминтерне в тот период преобладала так называемая тактика Единого фронта, предполагавшая единство сил оппозиционных капитализму, но при этом считалось, что постепенно методы коммунистов будут завоевывать все большую популярность, и сам ход истории разоблачит реформистских лидеров. Однако ряд событий привел к изменению политики Коминтерна; в 1924 г. начался так называемый период “большевизации”, приведший к установлению жесткой дисциплины в компартиях, входивших в Коминтерн, и беспрекословному исполнению директив центра мирового коммунистического движения. Отстранение от должностей и изгнание непокорных членов компартий превратилось в норму, руководители местных компартий с каждым разом становились все более зависимыми от Москвы⁶.

Процесс “большевизации” совпал с приходом к власти в Мексике генерала Плутарко Элиаса Кальеса, по отношению к которо-

⁶ Agnew J., Macdermott K. Comintern, History of International Communism from Lenin to Stalin, (Ed. en ruso). P. 74.

му коммунисты занимали противоречивую позицию. Также он совпал с признанием СССР мексиканским правительством и установлением дипломатических отношений. Полномочным представителем советской республики в Мексике был назначен Станислав Пестковский. Важнейшим фактом, о котором до недавнего времени ничего не было известно⁷, является то, что посол Пестковский был одновременно посланником Коминтерна. Именно вмешательство Пестковского в дела МКП привело к первому серьезному кризису в ее рядах, сущность которого мы постараемся изложить, основываясь на письмах адресованных Штирнеру, а также на документах, направленных Исполнительному комитету Коминтерна послом Пестковским. Стоит отметить, что вмешательство Пестковского в дела МКП не отмечено в партийных документах, он не упоминается ни в одном из них, что говорит о соблюдавшейся формальной секретности.

Пестковский вручил верительные грамоты 7 ноября 1924 г., а уже 8 ноября он послал первый отчет для Коминтерна⁸, в котором дал оценку положению коммунистического движения в Мексике. Ситуация навряд ли внушала ему оптимизм: численно компартия насчитывала менее 1000 членов, многие из которых были несознательными, финансовое положение партии оставляло желать лучшего, а из всех партийных лидеров лишь один Бертрам Вульф (да и он не был мексиканцем) внушал Пестковскому доверие. Советский посол писал: “Товарищ Каррильо, партийный секретарь, является хорошим и преданным товарищем, но он очень молод (ему 22 года)”. И хотя Пестковский признавал, что Урсоло Гальван был “очень активным крестьянским лидером”, что крестьянское движение имело большое значение, что агитация коммунистов под знаменами Крестьянского Интернационала в штатах Веракрус и Мичоакан имела успех, тем не менее, он подчеркивал, что лидер крестьян “товарищ Гальван несмотря на свою силу и надежность не имеет серьезной политической подготовки”.

Очевидно, что Пестковский приложил много усилий для борьбы с недостатками МКП: он усилил “чистку”, начавшуюся еще в

⁷ Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. “Товарищ Андрей... не только как посол, но и как старый член русской партии...” // Латинская Америка. 1997. №6; Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Станислав Пестковский. Товарищ Андрей. Двойной портрет в мексиканском интерьере. СПб, 2002.

⁸ Fondo 495, Serie 108, exp. 39, f. 10. Пестковский использовал псевдонимы Андрей и Андрес.

1924 г. после подведения итогов восстанию А. де ла Уэрты⁹ и колебаниям МКП по вопросу поддержки кандидатуры Плутарко Элиаса Кальеса. Мишенью для нападков Пестковского стал Мануэль Диас Рамирес, оставивший в мае 1924 пост генерального секретаря партии. Его место занял Рафаэль Каррильо. По-видимому, изменения в руководстве привели к трениям в рядах МКП, что проявилось в попытке перенести штаб-квартиру Исполнительного комитета партии в штат Веракрус, где действовали Аграрные лиги, являвшиеся основной силой партии и тесно взаимодействовавшие с Мануэлем Диасом Рамиресом.

Благодаря письмам направленным Альфреду Штирнеру главными участниками конфликта (Диас Рамирес, Каррильо и Б. Вульф) мы можем увидеть, что за личными нападками скрывались противоположные политические взгляды. С одной стороны, находились прагматики, рассчитывавшие постепенно завоевывать влияние с помощью возможностей, предоставленных Мексиканской революцией (она не считалась завершённой); кроме того они видели в крестьянстве незаменимого союзника в революционной борьбе. С другой стороны, были те, кто считал директивы и решения Коминтерна прямым руководством к действию.

В письмах явно не указывается причина противоречий, но очевидно, что в МКП образовались две группировки. Диас Рамирес отдалился от руководства партией, на что жаловался новый генеральный секретарь Рафаэль Каррильо, до этого тесно работавший с Диасом Рамиресом и главой Крестьянских лиг Урсуло Гальваном: “Мануэль отстранился от руководящей работы и партийных обязанностей, поэтому я буду обязан ехать в Веракрус, чтобы организовать и направлять там работу”¹⁰.

Одной из тем, вызывавших трения, был вопрос об отношении партии к правительству. В Центральном комитете критиковали так называемый “чамбизм”¹¹, то есть работу членов партии в правительственных учреждениях; кроме того руководство стремилось сохранить непорочность партии, отказываясь от сотрудничества с

⁹ А. де ла Уэрта был временным президентом Мексики в период с июня по ноябрь 1920 г., а затем министром финансов в правительстве А. Обрегона. Когда Обрегон поддержал кандидатуру Кальеса на пост президента, де ла Уэрта поднял вооруженное восстание (декабрь 1923 г.), закончившееся поражением. В марте 1924 г. де ла Уэрта бежал в США.

¹⁰ Carta de Rafael Carrillo a Edgar Woog, 1 de mayo de 1924. РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 108, Д. 41, Л. 29.

¹¹ Чамба-chamba в Мексике означает работу, найм.

местными органами власти, а также настаивало на неучастии в выборных коалициях, если только они не возглавлялись коммунистами. Это, по мнению Диаса Рамиреса и Урсуло Гальвана, активно участвовавших в различных социальных движениях, было ошибкой. Можно с уверенностью утверждать, что другим фактором, способствовавшим расколу, стало избрание партийным съездом Бертрама Вульф, а не Диаса Рамиреса в качестве представителя МКП на пятом съезде Коминтерна¹². Переписка показывает, что противоречия углублялись постепенно, хотя еще несколько месяцев Диас Рамирес и Каррильо продолжали работать вместе в Веракруссе.

Осенью 1924 г. Вульф вернулся из Москвы в Мексику и в отсутствие Диаса Рамиреса превратился в ключевую фигуру в руководстве МКП; именно в этом качестве с ним познакомился Пестковский. Таким образом, точка зрения Вульф наверняка была принята во внимание Пестковским и совершенно очевидно, что Вульф использовал любой повод для дискредитации Диаса Рамиреса:

«В партии дела идут в целом как всегда, немного лучше стало с партийными взносами, и исчез явный оппортунизм, существовавший в прошлом году. Только Рамирес и один из новичков, Альфаро Сикейрос, создают проблемы. Я знаю, что тебе трудно поверить в то, что Мануэль не делает что должно, а поступает совсем наоборот, но нужно сказать со всей откровенностью: с каждым разом он представляет все большую опасность для здоровья партии. Он не может жить без какой-нибудь работы на правительство, и любую партийную деятельность, представляющую угрозу для этой работы, он встречает в штыки и саботирует. Он делает все возможное для поддержания личных разногласий. В Халапе он оказал очень дурное влияние на Гальвана и Аграрную лигу, и мы вынуждены были заменить его на Альмансу. Среди прочего он предложил создать новую местную политическую партию в Веракруссе. Он препятствовал появлению представительств МКП в Халапе и Кордобе. Он напал на нас, потому что мы используем Монсона так, как должно использовать сенатора-коммуниста. Он встретился с Монсоном и сказал ему: “Исполнительный комитет партии застаёт вас врасплох. Заставляет делать вещи, ставящие под сомнение ваше политическое будущее. Если вы продолжите следовать этому курсу, то вас не переизберут”. Монсон, ранее очень веривший в Мануэля даже больше, чем в комитет партии, послал его к черту и про-

¹² РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 108, Д. 41.

должает “ставить под сомнение свое будущее”.

Рамирес теперь живет с Кукой и они оба стали яркими сторонниками Мухики. Когда приезжает Примо Тапия, Мануэль ведет его к Мухике и препятствует его встречам с нами. То же самое происходит со всеми кто приезжает из Мичоакана. Еще он посылает их к Бальестеросу, проходимцу, изгнанному нами из партии, человеку, способствовавшему в Сьюдад-Хуаресе изгнанию Сории и получившему от Моронеса должность трудового инспектора. Это только несколько примеров из бесчисленного количества дел, которые он ведет против партии. Кроме саботажа Рамирес ничем другим не занимается».

Таким образом, Мануэль Диас Рамирес превратился во врага. Вульф и Каррильо постоянно атакуют и обвиняют его, делая акцент на дурном влиянии, которое оказывает Диас Рамирес на других членов партии, таких как Гальван и Мануэль Альманса. Однако по партийному уставу лишь съезд мог проанализировать и разрешить ситуацию, сложившуюся в МКП. Вероятно именно Пестковский ускорил созыв третьего съезда партии, на котором должны были разрешиться противоречия. 18 февраля 1925 г. Коминтерн дал согласие на проведение съезда МКП в апреле, отметив, что главной темой будет “Экономическое и политическое положение в Мексике и ближайшие задачи партии”¹³. Тем не менее, Каррильо отметил среди заявленных целей съезда следующее: “На этом съезде мы надеемся убрать ВЕСЬ БАЛЛИАСТ ИЗ ПАРТИИ, чтобы сделать возможным движение вперед с теми, кто хочет проводить коммунистическую линию в нашей борьбе. Возможно, это повлечет за собой некоторые энергичные меры против оппортунистов внутри партии, таких как Рамирес, Кука и других, но мы надеемся, что у них хватит доверия и честности остаться верными партии”¹⁴. Естественно, что Диас Рамирес также бросал обвинения и старался найти доказательства того, что он считал ловкими маневрами Каррильо и Вульф.

По-видимому, в Москве ситуацию, сложившуюся в МКП, считали серьезной проблемой, Исполнительный комитет Коминтерна слал телеграммы сторонам, участвовавшим в конфликте, с просьбой “прекратить фракционную борьбу”. Несмотря на то, что на съезде был достигнут временный компромисс, противоречия не были разрешены, а напротив, продолжали углубляться.

¹³ РГАСПИ, 495/108/45, f. 21.

¹⁴ РГАСПИ, 495/108/49, f. 7.

В новом докладе Пестковского (август 1925 г.) сообщается о сложной ситуации внутри партии, из которой по просьбе советского посла был исключен Диас Рамирес. Кроме того МКП в то время уже не могла рассчитывать на Вульф, поскольку его депортировали из страны. В качестве постскрипума к докладу Пестковский отмечает:

«После того как я закончил написание этого доклада, пришло письмо Штирнера в защиту Рамиреса, недавно исключенного из ЦК (об этом я писал выше). Дело в том, что Штирнер является другом Рамиреса и Куки (жены Рамиреса) и делится с ними информацией. На самом деле Рамирес настоящий проходимец в политических делах. Я так считаю, во-первых, исходя из личных разговоров с ним, во время которых он защищал желтый профсоюз трамвайщиков, находящийся на содержании хозяев, и требовал для него поддержки партии в борьбе с лабористами¹⁵. Кроме того он предложил создать рабочую газету на деньги различных “генералов” недовольных Кальесом (президентом Мексики). Во-вторых, я читал несколько писем Рамиреса к жене, где он рассказывал о сотрудничестве с губернатором Веракруса и министром путей сообщения. После этого **я приложил все усилия** для изгнания Рамиреса из Центрального комитета. На собрании присутствовал Освальдо, решение об исключении Рамиреса было принято единогласно. Поскольку среди вас один Штирнер знает испанский язык и, следовательно, только он информирует вас о латиноамериканских делах, я рекомендую быть крайне осторожными с его докладами. Штирнер уже три года находится вдали от Мексики и Латинской Америки и забывает, что за это время в порочной политической атмосфере, которая здесь существует, некоторые из интеллигентов, ранее бывшие коммунистами, могли разложиться. Так или иначе, пока я здесь, Рамиреса не будет в руководстве партии, так как он теперь делает политическую карьеру в мексиканском стиле и самыми подлыми способами».

Таким образом проблема вышла за рамки внутренней борьбы в МКП, вмешательство представителя Коминтерна было явным, несло опасность расколоть слабую партию и лишить ее лидера, объединявшего наиболее влиятельные крестьянские движения того времени. Споры шли не о личностях, а о месте класса крестьян в революционном и коммунистическом движении.

¹⁵ Речь идет о сторонниках КРОМ и Лабористской партии, являвшейся политическим крылом профсоюза.

В докладе, написанном Штирнером, говорится: «В июле 1925 г. товарищ Андрес требовал исключения товарища Рамиреса “как интеллектуального автора политики Крестьянской лиги”. Летом 1925 г. комитет [Центральный комитет МКП] перехватил письма Рамиреса [направленные] жене, в которых Рамирес жалуется на политику ЦК и называет товарища руководителя неспособным управлять партией. Такой шанс был использован и на собрании в посольстве при участии нескольких членов ЦК, было принято решение об исключении товарища Рамиреса, три дня спустя его исключили из партии».

В сентябре партийное совещание должно было утвердить исключение Диаса Рамиреса, однако Штирнер обратился к Коминтерну с просьбой вызвать Каррильо и Рамиреса в Москву для улаживания противоречий. Из-за денежных затруднений Диас Рамирес не смог приехать, поэтому лишь Каррильо предстал перед Исполнительным комитетом Коминтерна и согласился с тем, что “исключение Рамиреса будет означать разрыв с крестьянским движением Веракруса”. Хотя Штирнер и признавал ошибки за Гальваном и Диасом Рамиресом, он вместе с тем понимал, что было крайне важно сохранить влияние партии на такой важный класс как крестьянство.

После возвращения Каррильо в Мексику разногласия вроде бы стихли, однако Пестковский утверждал, что генеральный секретарь МКП попал под влияние Штирнера и продолжал требовать исключения Диаса Рамиреса. Ситуация накалилась до такой степени что Штирнер был вынужден ехать в Мексику для улаживания конфликта. Он так описывает события:

«На следующий день после приезда я имел разговор с Андресом. Мы говорили о перспективах. Он сказал буквально следующее: “Я считаю, что в данный момент мы не можем создать массовую партию в Мексике. Атмосфера здесь настолько порочна, что если мы откроем двери, то придут оппортунистические элементы с целью использовать партию для своей карьеры. Сейчас нужно создавать группы, дать им хорошую коммунистическую подготовку и посылать их работать в профсоюзы и другие пролетарские организации”. Рамиреса он назвал коррумпированным элементом, олицетворяющим оппортунизм в партии. “Если вы добьетесь реабилитации Рамиреса, я подам в отставку как делегат Коминтерна”, – сказал он напоследок.

Так как съезд отложили на месяц, у меня была возможность выяснить реальное положение дел.

На самом деле не было никакого Центрального комитета. Три или четыре товарища из ЦК регулярно собирались в посольстве. Там принимались, иногда лишь в присутствии Каррильо, наиболее важные решения, которые затем обсуждались на заседаниях ЦК. В заседаниях ЦК также принимал участие товарищ из Югославии, являвшийся сотрудником посольства. Именно этот товарищ защищал вплоть до моего приезда (...) необходимость создания третьего профсоюзного центра для противодействия реформистам. Секретарь посольства товарищ Х. открыто заявлял о том, что он троцкист [и] что крестьяне представляют опасность для партии. Очевидно, что, принимая во внимание авторитет, которым пользовался товарищ Андрес, не только как посол, но и как старый член русской партии, даже политические взгляды сотрудников посольства были важны для членов ЦК МКП. Однако то, что товарищи из посольства доказывали с помощью бесчисленных политических и теоретических аргументов, мексиканские товарищи излагали в открыто грубой форме без какой-либо теоретической базы. Например на съезде один из членов ЦК заявлял: “Какое значение имеют для нас 30000 членов Аграрных лиг в Веракрусе? Мы обойдемся и без них”. Тот же самый товарищ говорил: “Работа в реформистских профсоюзах бессмысленна, мы должны создать новый профсоюзный центр и тогда рабочие-реформисты перейдут к нам”. Товарищ Каррильо во время чтения своего доклада об аграрном вопросе внезапно пришел в раздражение и вне себя воскликнул, что “товарищи из Крестьянской лиги не хотели признавать гегемонию пролетариата”. Другой член ЦК заявил в Организационной комиссии: “Нам необходима небольшая группа лиц, которые будут действовать с железной дисциплиной (...)”

Таковы были основные тенденции в ЦК, нашедшие добротную почву в посольстве. Не стоит забывать, что в 1919-20 гг. в партии наблюдались сильные анархистские тенденции, что они сами по себе находят поддержку мексиканского пролетариата (хотя уже и не так как раньше), поэтому эти “левацкие” взгляды и идеи якобы “враждебные любому оппортунизму” находят благодатную почву.

Сейчас я гораздо яснее понимаю, что агрессивная позиция товарища Андреса по отношению к товарищу Рамиресу основывалась на ряде принципов: ультралевом уклоне в профсоюзном и организационном вопросах и троцкизме в крестьянском вопросе».

Хотя посол считал, что реабилитация Диаса Рамиреса наносила ущерб его авторитету как посланника Коминтерна, Штирнер настоял на своей точке зрения, и на съезде без лишнего шума Диа-

са Рамиреса восстановили в партии.

Судя по всему конфликт был улажен, но Пестковский не соби-
рался сдаваться, что видно из доклада самого Штирнера:

«Еще днем, до начала съезда, я говорил с Андресом. Он ругал на все лады Рамиреса и мою политику. Говорил, что я поддерживаю элементы, разлагающие партию, что я подхожу к проблеме “абстрактно”, короче говоря, что я хотел партию рабочих и крестьян, а это противоречит всем принципам большевизма [и] является абсолютно новым в деятельности Коминтерна, что он найдет пути и способы продолжить борьбу в Москве. Перед отъездом в Москву я встретился с ним снова. Я сказал, что партия будет благодарна за любой добрый совет, исходящий от посольства, однако нет никакой возможности продолжать практику прямого управления партией из посольства, как это было до сего времени. Он ответил мне буквально следующее: “Я думаю, что и сейчас руководство партией должно находиться в руках посольства. У посольства должно быть право действовать против неверных решений ЦК. Само правительство Мексики знает, что истинное руководство партией осуществляется из посольства. Если что-то случится, я буду нести ответственность. Поэтому лучше если руководство партией и де факто будет находиться в моих руках, по крайней мере, пока не прибудет представитель Исполнительного комитета Коминтерна».

Однако, несмотря на настойчивость Пестковского, его точка зрения была оставлена без внимания. Для советского правительства защита социализма в одной стране постепенно стала приоритетом внешней политики, поэтому официальные представители СССР должны были держаться в стороне и избегать открытого вмешательства в дела местных коммунистических партий. Вскоре, видимо из-за нескольких неуместных заявлений, Пестковский был освобожден от должности. Однако и для Штирнера споры по мексиканскому вопросу не закончились реабилитацией Диаса Рамиреса; в свете новой политики Коминтерна крестьянство не могло играть ведущую роль в революционной борьбе, пролетариат должен был стать авангардом, поэтому МКП нужно было подстраиваться под новые директивы организации, руководившей мировым коммунистическим движением.